

Экспонат из музея - 1965-16-10-5661

В театре на Малой Бронной – праздник. В череде юбилеев, захлестнувшей театральный мир, этот – не самый шумный и блещущий обилием официальных лиц, но, пожалуй, один из наиболее домашних – сердечных и открытых. Собрались на вечер друзья, сотоварищи, коллеги, принесли в подарок лучшее, чем может порадовать один артист другого, – свое искусство. В связи с отсутствием высоких должностных лиц подношений от их имени было немного: самым примечательным – цветочная корзина от имени мэра, которую тут же остроумный как всегда и как никогда энергичный ведущий вечера Лев Дуров обыграл, обратившись к ней (корзине), как к полномочной представительнице власти. Ехидную шутку принял зал и поддержали другие артисты, выходившие на сцену, – от Михаила Ульянова до Иосифа Кобзона. Модель взаимоотношений начальства с художниками приобрела афористичную форму.

Но это – мимоходом. А говорили больше об истории театра, созданного в далеком 45-м, вспоминали великолепных актеров, работавших в этой труппе, называли имена ее режиссеров. Неоднократными овациями поднимали сидящего в зале седого патриарха – Андрея Александровича Гончарова, стоявшего во главе труппы до измены ей с возлюбленной Маяковкой. Молчанием почтили память Анатолия Васильевича Эфроса, чьи работы вывели театр в число самых замечательных в тогдашнем СССР. Добрым словом помянули всех, кто внес свою лепту, пусть скром-

ную, в 50-летнюю историю (да каких лет! вместивших события, которых с лихвой хватило бы не на одну жизнь). Не забыли и предшественников – ГОСЕТ с Соломоном Михоэлсом и Михаилом Зускиным, величие которых тоже впитали эти стены.

Друзья старались порадовать. Если от имени не получающего несколько месяцев зарплату и оттого ослабевшего чеховского МХАТа пришел Михаил Ефремов, спародиро-

Полвека за спинами

вавший собственного отца, то Драматический имени Станиславского представлял с группой артистов художественный руководитель Виталий Ланской, а не менее художественный глава Театра эстрады Борис Брунов вышел с такой мощной поющей и танцующей свитой звезд, что только их хватило бы на целый вечер. Театр зверей был представлен не только по-людски, но и питоном (не выступавшим), а также костюмированным под Машу Распутину гималайским медведем: он исполнил (под фонограмму) ее знаменитые "Гималаи". От мастеров – Нины Сазоновой, Владимира Зельдина, Федора Чеханкова, представлявших Армейский театр, или Александра Филиппенко (выступавшего не то от собственного имени, не то от имени собственного театра) до юных студентов курса Льва Дурова (не рискуя состязаться со старшими в мастерстве, они

обнесли шампанским участников вечера) – все чествовали и сидящих на сцене именинников, и театр, и Театр в широком смысле, который рвется, вопреки всему, не выживать, а жить.

А о том, в каком запредельном мире приходится обитать сегодня, лучше всего говорил Михаил Задорнов, читая свои последние, наповал разящие строки. Хотелось бы процитировать его убийственные характеристики, но автор просил даже телевидение не записывать его – это выпутление на дружеской встрече, а не участие в предвыборной борьбе.

Впрочем, и сам театр на Малой Бронной, сами юбиляры не расположены к благодушеству. О сложности существования – и не только в материальном, куда важнее – в творческом плане говорилось и на предваряющей празднество пресс-конференции, да и в веселых номерах самих ликующих прорывались время от времени тревожные нотки.

Этим преодолением неуверенности, рвущейся надеждой и окрашенной иронией, но все же бесшабашно-безудержной убежденностью в необходимости и правоте своего театра и своего дела и запомнится столь откровенный, то ностальгический, то по-нынешнему нервный, полный смеха и грусти юбилейный вечер Театра на Малой Бронной.

Наталья БАТАЕН, Геннадий ДЕМИН.